

Через некоторое время вернулся Клод с оглушенным первосвященником.

— Вас не заметили?

— Не волнуйтесь, в глазах других его похитила женщина средних лет.

— А?

— Я изменил свой голос.

— ...

Канна хотела еще много чего спросить, но давящая атмосфера нарушила ее планы.

— Что мне делать? Зарезать?

— Перестаньте говорить, что собираетесь зарезать.

Канна заворчала, услышав плохую шутку.

— Есть ли на острове место, где можно спрятать?

— Ну, сегодня я увидел в лесу заброшенную деревянную хижину. Может, спрятать там?

— Это хорошая идея.

Канна немного подумала и сказала.

— Наберите очень много ржаного хлеба, положите и заприте.

Клод распахнул глаза.

— Ржаной хлеб?

— Да, ржаной хлеб.

С чего так неожиданно она упомянула ржаной хлеб? Клод не понимал причины.

— И выпустим его через несколько дней, во время ритуала очищения.

— Да, как прикажете.

Клод спросил, не в силах сдержать любопытство.

— Сегодня герцогиня накормила жителей села. Они бедны, поэтому всегда ели только продукты из ржи.

— Да, я знаю.

— Полагаю, это как-то связано?

Да, даже очень сильно связано.

Но вместо объяснения Канна подозрительно улыбнулась.

— С нетерпением ждите, сэра Клод. Через несколько дней, на церемонии очищения, вы увидите кое-что очень интересное.

Глаза Канны после ее речей засияли игривой злобой, недоброжелательностью, нетерпением и высокомерием. С детским взглядом Клод упустил момент, чтобы что-то ответить. Затем с его губ слетала фраза.

— Хорошо.

— Да?

— Эскорт умело справился со своей задачей, вы не зря ему доверились.

— Что это означает?

— Это значит вам стоит поблагодарить сэра Каллена.

Клод колебался.

— Это забавно. Очень.

Даже спустя несколько дней он продолжал размышлять.

— Я хочу пойти домой.

Дом.

— Отпусти меня домой!

Это дом.

Орсини вспоминал тот день, пробираясь сквозь кусты.

После той ночи он помнил почти все события того дня.

Канна, эта сильная маленькая девочка.

Плач.

Громкий плач.

Она нетерпеливо гналась за чем-то.

От начала до конца эта сцена постоянно прокручивалась в его голове.

Потому что зрелище повергло его врасплох?

Кажется, от этих мыслей где-то пульсировало в голове.

Всякий раз, когда он думал о той ночи, что-то стучало в висках.

От ужасного раздражения он изливал брань.

— Почему я из-за той сучки...

Черный туман.

Даже если сосредоточиться на этом разрушительном явлении, она не покидала его голову.

— Черт возьми!

Раньше в Северном лесу периодически возникал и исчезал Черный туман.

Так что Орсини его ждал.

Он знал, что у Канны в последнее время были трудности, но лишь фыркнул.

'Да и что с того? Все равно издохнешь'

Этому ребенку и его помощь не понадобится.

Разве ты раньше не отказалась от помощи? Отказалась, чтобы тебя вытащили из тюрьмы?

— Я хочу пойти домой!

Но почему?

— Отпусти меня домой.

Почему он все думает ...

— А, проклятье.

Внезапно Орсини остановился.

Что эта чертова дрянь говорила?

Дом?

Ты хочешь домой?

Сколько бы он не думал, очевидно, это не тот дом, который он знал.

Ни особняк Эдис, ни поместье Валентино.

Дом, о котором говорила Канна, был местом, о котором ему неизвестно...

'Есть дом, которого я не знаю?'

Наверное, место восхитительное, раз заставило плакать эту упрямую девку.

'Безумие'.

Очевидно есть.

Есть такое место Канны.

Всю жизнь ею пренебрегали, куда бы она ни пошла.

Разве Эдисы в последнее время не были к ней радушны и любезны?

Каллен, виляя хвостом, как щенок, повсюду следовал за ней.

'Но что? Она хочет пойти домой?'

Где, черт побери, этот дом?

Куда она хочет вернуться?

Ты хочешь вернуться туда после всех страданий и бед?

И.

— Подожди, оппа!

Когда его мысли дошли до этого места, разразился смех.

Неприятность разгорелась, как жар, охватывая все тело.

Кто бы ни слышал, но это оттенок значения возлюбленного.

И, возможно, это не тот дерьмовый щенок Сильвиен.

'Получается, у нее были отношения с другим отморозком, кроме Сильвиена?'

Все разлетелось на кусочки.

Канна Валентино, Канна Эдис, которых он знает очень давно, — их лица разбились на осколки.

Ее портрет, разлетевшийся на мелкие части, больше ему незнаком.

— Сэр Орсини, вы вернулись?

Когда он возвратился в особняк, его поприветствовал правитель.

Но Орсини не обратил внимания.

— Завтра произойдет церемония очищения.

Сказала правитель из-за его спины.

'И что?'

Орсини рассмеялся.

Он шел, не сбавляя темп.

'Если все окажется правдой, она повиснет вниз головой на дереве и сгорит'.

Канна висит вверх ногами на дереве?

'На это стоит посмотреть'.

Он думал о Канне.

Недавняя Канна.

Мерзкая сучка издевалась, насмехалась над ним и оскорбляла.

Он не мог вытерпеть раздражения.

Но почему?

— Что случилось, Орсини?

— ...

— Почему вернулись?

Надоедливое выражение глаз.

Он знал, что встретит этот противный взгляд, но все равно не понимал причину своего прихода....

'Что? Почему ты здесь внезапно?'

Канна не скрывала своей неприязни.

Она уже собиралась лечь спать, но неожиданно он открыл дверь и вошел.

— Который час?

— ...

— Где ты обучался этикету, раз заходишь без стука?

Что, почему он молчит?

Он просто смотрел на нее и не открывал рта.

Что за? Какого черта?

— По какой причине ты меня побеспокоил?

Если честно, даже не возникло любопытства.

— Уже поздно. Я иду спать. Если тебе есть что сказать, давай позже.

Тем не менее он просто смотрел без всяких движений.

Если оставить все как есть, то обязательно приснится кошмар, поэтому Канна встала с постели.

Она толкнула ладонью плечо стоявшего у двери Орсини.

— Уходи

Пожалуйста, притворись, что тебя толкнули.

'Он что, дольхарбан?'

Независимо от того, как сильно она сильно его толкает, он, как каменная статуя, не пошевелился.

— Орсини. Похоже, ты не заметил, но я толкаю тебя изо всех. Знаешь ли ты смысл этих движений?

Канна игриво рассмеялась.

— Это значит, что ты немедленно должен убраться моей комнаты.

Тогда Орсини схватил за руку толкавшую Канну.

Он пытается схватить?

Канна придала силу руке, но все тщетно.

Орсини схватил ее запястье и приподнял.

Движение было настолько естественным, что напоминало текущую воду. Столь легкое, будто вынимают вату из куклы.

Затем раскрылись пальцы руки и упали, пронзая воздух.

— ...

Канна опустила руку в странном чувстве унижения.

Потому что этот малец согнул железные прутья, будто они были корейской тянучкой.

— Эй, ты.

Затем, наконец, губы Орсини разомкнулись.

Канна прямо ответила.

— Почему?

— Ты.

— ...

Да, скажи.

Канна, скрестив руки, ожидала его слов.

'Но почему ты снова молчишь? '

Почему ты это делаешь?

П.п:

Дольхарбан - корейская каменная статуя.

Корейская тянучка-сладость, что-то вроде ириски.

<http://tl.rulate.ru/book/46467/1364625>